

Вишнеvский на сцене будапештского театра

ЭТА ПЕЧАТНАЯ программа спектакля театра Петёфи «Оптимистическая трагедия» сразу же привлекла внимание. За месяц с лишним, проведенный в Будапеште, таких оригинально и своеобразно оформленных программ я перевидел немало. Но еще не случилось, чтобы, открывая какую-нибудь из них, вдруг довелось натолкнуться на знакомое лицо советского актера или режиссера. А сейчас из правого угла четвертой страницы на меня, чуть улыбаясь, внимательно смотрел Георгий Товстоногов. Эта страница была целиком посвящена ему — народному артисту СССР, постановщику пьесы Вс. Вишнеvского в Ленинграде, прилетевшему по просьбе театра Петёфи на несколько дней в Будапешт.

Имя Товстоногова, как консультанта, стоит и на афише рядом с именем постановщика спектакля — молодого талантливого режиссера Кароя Казимира. И когда думаешь о том, какими путями идет крейниущая день ото дня дружба венгерских и советских деятелей искусства, то одним из интереснейших примеров этих растущих творческих связей может послужить спектакль на сцене театра Петёфи, ставший большим и волнующим событием в культурной жизни Будапешта.

Но окажется ли правым тот, кто станет утверждать, что будапештская постановка повторяет ленинградский спектакль? Нет, нет и нет.

Когда я стал перелистывать программу дальше, то натолкнулся еще на одну неожиданную страничку. По одной стороне ее были помещены фотографии исполнителей центральных ролей в будапештском спектакле, а по другой — в ленинградском. Но ни Комиссар, ни Алексей, ни матрос-финн, ни Сильный в Будапеште ничуть не похожи на одноименных

героев пьесы Вишнеvского в Ленинграде.

В постановке театра имени А. С. Пушкина основной конфликт — смертельная схватка комиссара с Вожаким. В театре Петёфи в центре оказывается спор комиссара с Алексеем — борьба комиссара и партии за этого беспокойного, неуживчивого, но бесконечно правдивого и искреннего в своих заблуждениях моряка. В образе комиссара, созданном Жулей Баки, покоряет сочетание женственности, природной мягкости с железной и бесопытной волей человека, знающего, чего он хочет, куда идет. Актрисой найден выразительный и точный внешний рисунок роли. В каждой позе, в каждом движении ее героини — стоит ли она среди разъяренных моряков, сидит ли за столом в штабе — ощущаешь упорство, сосредоточенность, огромное напряжение всех душевных сил. Ведь один только неверный шаг, одно только опрометчивое решение может стоить жизни и комиссару, и горстке коммунистов, и всему полку. Трудно комиссару, му-

чительно трудно. Но режиссера и исполнительницу увлек не показ этих трудностей сам по себе, а преодоление их, процесс душевного роста комиссара.

Причина серьезного и заслуженного успеха лауреата премии Кошута — артиста Яноша Гёрбе в том, что он бесопытно обнажает перед нами душу матроса первой статьи Алексея со всеми его заблуждениями, дурными и светлыми порывами. Его Алексей жаждет быть честным до конца. Он жаждет до конца разобратъся в ловкой и кровавой демагогии своего бывшего друга Вожаким — руководителя анархистов, за которым так долго и слепо шел.

И это страстное и неукротимое стремление Алексея — Гёрбе добиться ясности во всем, пробиться к правде революции, к истинному пониманию свободы находит горячий отклик в зрительном зале.

Зрители. Когда перебираешь в памяти героев спектакля, которые произвели на тебя наибольшее впечатление, то прежде всего хочется говорить о самом многоликом его

участнике — зрительном зале. И дело здесь совсем не в том, что ведущие то и дело обращаются к присутствующим в театре. Сам спектакль властно вовлекает их в свою орбиту, превращает как бы в участников происходящего.

Возьмем, к примеру, сцену смертельной схватки с врагом окруженных, захваченных врасплох моряков. Пандус, то изображающий на сцене палубу линкора, то набережную, то фронттовую дорогу, поворачивается со своей самой высокой стороны, образуя как бы бруствер окопа. Проектор вырывает из темноты отчаянные и упрямые лица матросов, их воспаленные бессонницей и напряжением боя глаза.

Противник — по мысли режиссера — прятался где-то в темноте, за спиной зрительного зала. И сейчас — через головы зрителей — он ведет непрекращающийся огонь, матросы отвечают ему залпом из винтовок и пулемета. Зал на мгновение как бы превращается в поле боя. Остаться равнодушным наблюдателем, быть в стороне — невозможно. И здесь еще раз хочется сказать, что одно из самых сильных впечатлений от спектакля театра Петёфи — это атмосфера зрительного зала.

Мне довелось в Советском Союзе видеть немало постановок пьесы Вишнеvского: и в Москве, и в Ленинграде, и в Новосибирске, и в Череповце, и в Горьком, и в Минске, и в Калуге. Но никогда не приходилось мне быть свидетелем такой бурной, такой напряженной, такой активной реакции, когда при каждом упоминании слова «партия» по залу пробегает шквал оглушительных аплодисментов. Венгерский зритель принял «Оптимистическую трагедию». Он увидел в ней рассказ и о своей жизни, и о своей партии, поднимающей, ведущей людей на борьбу за социализм.

На сцене: финал спектакля «Оптимистическая трагедия» в театре Петёфи.

Бор. МЕДВЕДЕВ

БУДАПЕШТ

18 янв 1958
Материалы к фильму
Москва